

Касси в очередной раз посмотрела на настенные часы. Ей казалось, что она ждет целую вечность, когда секундная стрелка наконец доберется до двенадцати, а минутная с резким щелчком передвинется на один крошечный шаг вперед. «Еще девять кружочков, — подумала она и вздохнула. — Все потому, что мы в этой деревне, не иначе. Нигде время так не ползет, как здесь».

«Как только он подойдет ко мне ближе, чем на пять метров, я спрошу. Интересно, а пять метров — насколько это далеко?» Касси обвела взглядом пространство вокруг кассы и представила, что смотрит сверху на этот только что очерченный круг, в центре которого она сидит. «А что если сделать круг больше? На километр? Или десять километров? Или сто? Лейден все равно не попадет в этот круг, — с горечью заключила она. — Настолько я далеко от цивилизации».

Без пяти. Сейчас он выйдет из своей каморки. Так, дверь скрипнула. Послышались тяжелые шаги, гулко отзывающиеся эхом среди пустых полок. Еще чуть-чуть, и он появится из-за стеллажа с кормом для животных, как всегда, немного сутулясь и прижимая к себе правую руку. Как будто держит под мышкой градусник. А вот и он, уже почти вошел в круг... Сейчас.

— Менейер¹, можно закрыть магазин?

За мгновение до того, как выйти из ее воображаемого круга, он остановился, нахмутив брови. Сжал узкие губы, как делал всегда, прежде чем начать читать нотации.

---

¹ Менейер (*нид. meneer*) — вежливое обращение к мужчине в Нидерландах.

— А что у нас на часах, юффертье¹? В твоём городе тебя что, не научили определять время по часам? Или там уже позабыли, что значит честно и добросовестно трудиться?

Он взглянул на нее поверх очков и постучал своим бледным толстым пальцем по наручным часам.

— Если у меня на входной двери написано *Открыто до шести часов*, то мои клиенты могут на это рассчитывать. Они точно знают, что никогда и ни за что на свете не окажутся перед закрытой дверью моего магазина, пока на часах не будет ровно шесть. Шесть часов — это шесть часов, а не без восьми минут шесть и даже не без двух минут шесть.

Касси кивнула.

— Хорошо, хорошо, я поняла, — пробормотала она.

— Я еще не закончил, — сказал он строго. — Я не просто так тебе об этом говорю. Все ради твоего же блага, понимаешь? Тебе еще многому предстоит научиться. Иногда я жалею, что дал тебе шанс. Знаешь, сколько хороших девочек с радостью заняли бы твое место?

Опустив голову, она разглядывала серые кнопки кассы. Да у них тут даже нет сканеров!

«Что мы здесь забыли? — негодовала Касси на следующий день после того, как они с мамой сюда переехали и она прогулялась по городишку, придя от этой прогулки в ужас. — Что мне делать в этой захудалой вонючей дыре?»

Сперва ее вопросы оставались без ответа. С красными пятнами на щеках, сидя посреди нераспакованных коробок с вещами, ее мама читала путеводитель по этой деревне. Путеводитель по деревне — уму непостижимо, — в нем не было ничего, кроме занудных фактов о Вирсе! Только после того, как она повторила свой вопрос, — и голос ее про-

---

¹ Юффертье (нид. *juffertje*) — обращение к молодой девушке.

звучал раздраженнее, чем в первый раз, — мама подняла глаза.

«Ты привыкнешь, — заявила она. — Можно подумать, тот вонючий город был намного лучше!»

Но даже спустя четыре невыносимых месяца Касси так и не привыкла.

— Мы что, уснули?

Она чуть не упала со стула от испуга. Этот псих каким-то образом оказался у нее за спиной!

— Уже шесть часов, — проговорил он размеренно, — ты можешь закрывать магазин. Потом закатай тележки внутрь. Да, и уберешь клубнику в холодильник.

«Так я закончу только в половине седьмого, — злилась Касси, — а ты, жадный старикашка, ты ведь мне ни одну лишнюю минуту не оплатишь!» Она посмотрела сквозь стекло витрины. Вереница из тележек сверкала под палящим солнцем. Менейер Стру открыл дверь и занес внутрь рекламный щит с перечнем акций выходного дня. С улицы в магазин хлынули потоки горячего воздуха.

— Удивлюсь, если гроза не начнется.

Касси слышала, как он вздыхал. Тыльной стороной левой ладони он размазал пот по лбу, а затем вытер ладонь о свою белую куртку.

На Касси была точно такая же куртка, бесформенное нечто, которое болталось на ней и доходило до колен. Она ненавидела эту вещь почти так же сильно, как и розовую повязку, под которую ей приходилось заправлять свои рыжие кудри.

«Я должна носить рабочую форму! — жаловалась она дома. — И убирать волосы в хвост, чтобы было гигиенично. Вечно ты со своими идиотскими идеями!»

«Устройся на другую работу, которая будет тебе по душе», — беззаботно ответила мама.

Но это была единственная подработка, которую удалось найти в этом захолустье, ее единственная возможность заработать немного денег и время от

времени сбегать из деревни. Чтобы навестить своих старых друзей, увидеть своих настоящих, своих единственных друзей.

Она поплелась в подсобку, повесила куртку на крючок. Над ним висела черная табличка, на которой светло-серыми буквами было написано: *Кассандра Зондерван*.

— На петельку, пожалуйста, — сказал менейер Стру, войдя внутрь.

— А разве ее не надо постирать?

Он взял куртку и понюхал ее. Сначала спереди, потом под рукавами.

Касси смотрела на него с отвращением.

— Нет, еще недельку можно поносить.

Раздался звонок. Долгий и протяжный.

— Кто бы это мог быть? — менейер Стру спешно вышел из подсобки.

Касси взяла сумку. Она проверила, не написал ли ей кто эсэмэску. Ничего. Неужели они забыли о ней? Уже?

— Кассандра!

— Да? — крикнула она, выглянув из подсобки. — Извините, да, менейер?

— У нас еще один клиент.

По голосу она поняла, что он был не особенно рад, но изо всех сил старался изобразить приветливость.

— Ты считаешь его?

— Но я... уже... и касса...

— Ты его считаешь, — теперь его голос звучал строго.

«Ага, конечно, давай, отыгрывайся на мне», — думала она обиженно, прокладывая тем временем курс к кассе.

— Кассандра!

«Ну что еще?» — хотела ответить она, но сдержалась.

Он показал на ее джинсы и топ:

— Куртка. Мы не обслуживаем клиентов, не надев форму.

Она вздохнула, вернулась в подсобку, вся трясаясь, надела куртку, которую только что обнюхивал Стру, вытащила из ящика ключ и пошла мимо мясного отдела, средств для уборки, туалетной бумаги и рулонов бумажных полотенец прямо к кассе.

О нет...

У прилавка стоял парень в белых шортах-бермудах и футболке «Хилфигер». Его короткие светлые волосы выделялись по контрасту с загорелой кожей. Он посмотрел на Касси, и на его лице появилась мерзкая ухмылка.

— Классный прикид, Касса. Сразу видно, что ты из большого города.

Он поставил перед ней четыре упаковки пива и добавил несколько пачек чипсов. Стру стоял рядом.

— Немного поживее, барышня. Не заставляй менейера Де Баккера ждать.

— К слову, менейеру Де Баккеру еще нельзя покупать спиртное, потому что ему нет восемнадцати, — пробормотала она.

Стру покраснел:

— Не забывай, у нас тут не хамят. Здесь я устанавливаю правила, а ты делаешь то, что я скажу.

Эдвин де Баккер учился в одном классе с Кассандрой, и она его просто ненавидела. Он был буквально повсюду: в редакции школьной газеты (она тоже входила в редколлегия), на хоккейной площадке (он был капитаном команды), на теннисном корте (который вообще-то принадлежал его отцу, но туда периодически пускали поиграть и других).

«Самый мерзкий урод в этой деревне — это Эдвин де Баккер, — поделилась она со своей матерью через неделю после переезда. — Он живет в гигантском доме и считает себя богом. А, нет, бог — это

его отец. Ему принадлежит половина деревни, если верить этому малолетнему придурку».

«По мне, так неплохая партия, — такой была реакция мамы. — Его папа, случаем, не в разводе? Или, может, у Эдвина есть старший брат?»

«Держись от них подальше!» — крикнула тогда Касси. Она вскочила и убежала в свою комнату, хлопнув дверью. Так они впервые поссорились в новом доме.

Она сделала глубокий вдох и пробила сначала пиво, а потом чипсы.

— У меня собирается небольшая вечеринка, — сказал Эдвин, — я даже из жалости хотел тебя позвать, но, как ты сама говоришь, дети и алкоголь — это несовместимые вещи. В следующую среду в деревенском клубе будет детская дискотека. Может, сходишь туда?

— Тридцать два евро двадцать центов, — проигнорировав его вопрос, сказала она.

Он дал тридцать пять евро:

— Сдачу оставь себе. Купишь в среду леденец на палочке.

Не проронив ни слова, Касси положила сдачу перед ним, но он даже не взглянул на деньги и вышел из магазина. Она закрыла кассу.

— Там остались деньги, — сказал менейер Стру, когда она отдала ему ключ.

— Он не захотел их брать.

— Правда? — в его глазах блеснул жадный огонек. — Ну, тогда я их заберу. Кто малого не ценит...

Стру проводил ее до двери и пожелал хороших выходных.

— И до среды.

Как обычно, он добавил, что надеется увидеть ее в церкви в это воскресенье. Вместе с матерью.

— Может быть, — как обычно, соврала Касси. С тем же успехом она могла вообще ничего не отвечать, поскольку он уже не слушал.

— И где его носит? — бормотал Стру себе под нос.

«Он» расставлял в магазине товар. Он всегда приходил, когда она уходила: странный худой человек с отросшими волосами, которые больше походили на паклю. Он никогда не смотрел прямо перед собой, за все эти месяцы Касси ни разу не увидела его глаз. Стру разговаривал с ним как с ребенком, коротко и четко. Он каждый день подробно записывал для него, что и в каком количестве нужно разложить. Один раз, когда Стру общался с поставщиком немного дольше, чем рассчитывал, он поручил это сделать Касси.

— Иди по рядам, считай пустые места и подробно записывай в рабочую тетрадь, что нужно положить на полки, — проводил он инструктаж, — например, не хахелслах¹, а четыре упаковки хахелслах «Де Рёйтер», темный шоколад, двести грамм.

— Вместо того чтобы это писать, я могу просто разложить товар — времени потребуется столько же, — сказала она.

Стру ответил:

— Парень, который раскладывает товар, мой родственник.

---

¹Хахелслах (нид. hagelslag) — шоколадная крошка для посыпания тостов с маслом.

Ровно в тот момент, когда она села на велосипед, часы на церкви пробили семь. «Повезло еще, что никто не ждет меня на ужин, — подумала она. — Да уж, повезло...»

Было очень жарко, слишком жарко, чтобы ехать на велосипеде. Она еще не успела свернуть на другую улицу, а ее обтягивающие джинсы уже прилипли к коже. Вдалеке, прямо над крышами района новостроек, где они с мамой жили, небо выглядело каким-то зеленым. Жара была тяжелой и тихой. Ни щебечущих птиц, ни машин на узких улицах старого центра, только где-то далеко слышится монотонный гул тракторов. «Надо убрать сено с полей, пока не разразилась гроза», — догадалась Касси. Вот как много она успела узнать о сельской жизни.

Под деревьями на аллее Борхерлан было прохладнее. Борхерлан соединяла старую часть городка с новой. Вечером даже с закрытыми глазами можно было понять, что ты пересек невидимую границу. Жители новых домов готовили барбекю, жители старых домов, расположенных недалеко от церкви, этого не делали. Готовить мясо на улице, имея кухню в доме! Все эти люди были старыми, даже древними, или так выглядели: всегда в черном, в одежде с длинными рукавами, нередко ссутулившиеся.

«Она из какой-то секты или типа того?» — спросила Касси у Стру, когда впервые увидела подобную женщину возле кассы. Это чуть не стоило ей новой работы.

«Набожность и тяжелый труд сделали этих людей такими. Я не собираюсь терпеть твои неуважительные высказывания, ясно? — набросился он на Касси.

Как только она разомкнула губы, намереваясь ответить ему, он поднял указательный палец вверх: — Еще одно слово, и ты нас покинешь».

Единственным человеком, которому она могла излить свое негодование, была мама: «Неуважительный? Я же просто спросила! Неуважительный! Как можно бросаться такими словами? Что он там обо мне воображает? Помнишь, что Хуго сказал мне, когда я прощалась с ребятами из Центра по работе с мигрантами? *Мы будем по тебе скучать. Ты так легко находишь общий язык с людьми. Ты принимаешь всех такими, какие они есть*».

«Вот только о нем не надо, а? Слышать этого имени больше не хочу. Мы начали все с чистого листа, и точка», — ответила тогда мама и вышла в сад выкурить сигарету.

Еще на протяжении нескольких недель Стру недоверчиво поглядывал, когда в магазин снова заходили такой старичок или старушка. До тех пор, пока не убедился, что Касси нравится пожилым людям. Иногда они даже проявляли дружеские знаки внимания: оставляли мятную конфетку или похлопывали ее по руке на прощание. А также выдавали многочисленные комментарии: по поводу ее пирсинга носа (после этого Стру велел вынимать колечко), насчет ее кислотно-желтого велосипеда (который она теперь оставляла за магазином), относительно одежды, которую она носила в нерабочее время.

«Не стоит тебе больше носить эти коротенькие кофточки, такие кофточки, которые оголяют твой пупок. Опомнись не успеешь, как сделаешь себе имя», — слова Стру, разумеется.

«Чего? У меня же уже есть имя?» — спросила она как можно невиннее.

«Позаботься о том, чтобы оно было добрым, — ответил он назидательно, — мой персонал должен быть безупречным».

— Привет, Касси! Бедняжка, опять допоздна? — молодая женщина в шортах и верхе от купальника махала ей рукой. Она поливала кусты, а около нее возились два голеньких малыша.

Касси улыбнулась и помахала в ответ. Диан была ее любимой клиенткой. Она не только всегда была в хорошем настроении, но еще и переехала сюда из города. «Я знаю, что ты сейчас чувствуешь, — сказала она, когда они познакомились. — Ты думаешь, что оказалась в каком-то мрачном, тоскливом кино. Ты скучаешь по тем вещам, которые раньше казались тебе такими обычными. Представляешь, я злилась даже из-за того, что здесь можно оставить свой велосипед где угодно, не боясь, что его украдут. Но ко всему привыкаешь, правда. Через год или два тебе тут понравится. По крайней мере, если ты иногда сможешь ездить в большой город на подзарядку. Денек пошопиться от души. Съесть турецкую пиццу или тайские спринг-роллы с красным соусом. Людей посмотреть и себя показать».

Другие жители деревни тоже кричали ей «Привет!» и махали.

«Меня все знают, — думала Касси. — Все знают, откуда я. Что у меня нет отца. Что моя мать получает пособие по безработице и субсидию на аренду жилья, чтобы жить в районе Клавербюрт. Что я учусь в школе в Девентере. Что я работаю тринадцать часов в неделю в магазине Стру. Они даже знают, сколько я получаю».

Иногда ей казалось забавным, что вся деревня живет как одна большая семья. Но гораздо чаще ее от этого тошнило. Ей казалось, что здесь она становится общественной собственностью.

Вдалеке раздался гулкий рокот. Зеленое небо стало темно-синим. Глядя вперед, она увидела на горизонте, за новым районом, вспышку молнии. И сразу начала считать: двадцать один, двадцать